

УДК 902.693

**ТРАДИЦИОННОЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ ЭВЕНОВ И КОРЯКОВ
МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(в связи с современными этническими праздниками встречи Нового года)**

Хаховская Л. Н.

*ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
E-mail: hahovskaya@gmail.com*

Проведено сравнительное исследование календарных систем двух коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Магаданской области, – эвенов и коряков. Методологической основой исследования является положение об адаптации этнических сообществ к окружающему природному и социокультурному пространству. Рассмотрены традиционные годовые циклы эвенов и коряков, обусловленные их происхождением, типом хозяйственной деятельности и экологическими факторами. Наряду с этим выявлены различия в практиках летоисчисления, обусловленные степенью иноэтнических воздействий и заимствований. Показано, что эвены испытали сильное русское культурное влияние, в основной своей массе приняли православное вероисповедание, поэтому у них имеет место наложение различных систем летоисчисления: фенологический, церковно-православный и составный календари. Коряки вплоть до недавнего времени оставались приверженцами традиционной религии, однако их годовой календарь осложнен дуализмом хозяйственно-культурного устройства (оленные и береговые группы). Сделан вывод о существовании у эвенов и коряков широкого разброса вариантов отсчета нового (прежде всего хозяйственного) года. Показано преломление традиционной хронологии в современных этнических праздниках встречи Нового года «Хэбденек» и «Туйгивин».

Ключевые слова: эвены, коряки, традиционное природопользование, система летоисчисления, годовой хозяйственный цикл, календарные праздники, Новый год, Магаданская область.

DOI: 10.34078/1814-0998-2023-3-88-101

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в Магаданской области регулярно проводятся этнические праздники встречи Нового года под названием «Хэбденек» (эвенский) и «Туйгивин» (корякский). Данные этносы (эвены и коряки) в численном отношении находятся на двух первых позициях среди коренных малочисленных народов Севера (КМНС), проживающих в Магаданской области, их культура является яркой и широко представленной в этнической палитре региона. Праздники встречи Нового года также пользуются большой популярностью у населения и гостей региона. Оба события приурочены к дням солнцестояния, но диаметрально противоположным: «Хэбденек» проводится

летом, тогда как «Туйгивин» – зимой. Очень часто у широкой аудитории возникают вопросы о причинах выбора именно этих дат и об их укорененности в традиционной культуре соответствующих народов. Помимо этой вполне обоснованной заинтересованности общества, данные вопросы имеют и научное, этнографическое измерение, поскольку затрагивают проблему летоисчисления и устройства календарных систем народов, которые до недавнего времени придерживались традиционного образа жизни и природопользования.

О традиционном летоисчислении коренных малочисленных народов Севера имеется обширная литература. В качестве общих признаков календарей северных народов отмечена фиксация в них главным образом фенологических явлений, которые в тот или иной период наблюдаются в

местах проживания этноса, а также связь календаря с сезонными хозяйственными занятиями (Сычина, 2012. С. 169–170). Эти общие положения характеризуют также календарные системы народов тунгусо-маньчжурской группы (в том числе эвенов) и северо-восточных палеоазиатов (к ним относятся коряки). Вместе с тем данные народы сильно различаются по происхождению, типу хозяйственной деятельности, укладу жизни, особенностям мировоззрения, что обусловило существенные расхождения в устройстве их традиционного календаря. Кроме того, различия в практиках летоисчисления зависели от степени восприятия тем или иным народом иноэтнических влияний, заимствования материальных и нематериальных артефактов.

Цель статьи состоит в ретроспективном показе истории возникновения современных календарных дат встречи Нового года у эвенов и коряков Магаданской области, выявлении их связи с традиционным счетом времени и традиционным годовым хозяйственным циклом, а также особенностями внутри- и межэтнических отношений и влияний. При этом автор не ставит цель проследить использование традиционного календаря в современной хозяйственной деятельности эвенов и коряков, т. к. эта проблема требует специального исследования. Источником работы служит широкий круг опубликованной литературы, а также полевые исследования автора в среде изучаемых этносов. Методологической основой исследования является положение об адаптации этнических сообществ к конкретным условиям окружающей среды, в результате которой вырабатываются определенные формы культуры, поддерживаемые и воспроизводимые в повседневной жизни. К факторам окружающей среды относится как природное, так и социокультурное пространство, причем влияние последнего все более возрастает (Межэтнические..., 2006).

КАЛЕНДАРИ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ И ФЕНОЛОГИЧЕСКИЕ

В основе всех календарей лежит определенный принцип прослеживания течения времени. Циклический счет времени опирается на два класса внешних, независимых от человека явлений: астрономических и фенологических. Астрономический календарь основан на фиксации изменений положения небесных объектов. Наблюдение за ежедневным движением солнца дает понятие о сутках – смене дня и ночи. Это самое простое, доступное всем наблюдение, и такая календарная единица есть у всех народов. Наблюдение за сменой фаз луны дает понятие о месяце с определенным количеством суток. Однако число дней в лунном месяце и число месяцев в лунном году варьирует в культурах разных наро-

дов, т. к. зависит от тщательности наблюдений за звездным небом, точности согласования лунного и солнечного года и, соответственно, от степени развития астрономии и математики (Зоркальцев, Мокрый, 2017). При этом важно, что практически повсеместно распространено мифологическое представление о том, что фазы луны оказывают влияние на деятельность человека: прибывающая луна считается благоприятным периодом для всех начинаний, в отличие от фазы убывания (Лунарные..., 1988). Поэтому новолуние, фиксируемое в тот или иной период, у различных народов часто становилось точкой отсчета нового календарного периода. Однако лунный календарь не учитывает изменение времен года, он привязан только к движению луны, которая не влияет на сезонные изменения.

Наиболее точное понятие о такой календарной единице, как год, дает наблюдение за движением солнца. Основу солнечного календаря составляет смена времен года, которая обусловлена оборотом Земли вокруг Солнца. Опорными точками солнечного календаря служили дни равноденствий и солнцестояний, которые у земледельческих народов обычно и становились датой отсчета нового календарного года. Особенно выделялся день весеннего равноденствия (21 марта) – он являлся началом нового хозяйственного года у широкого круга народов, в том числе славянских (Календарные..., 1985).

Самый точный и совершенный календарь в истории человечества существовал у древних египтян. Новый год в нем начинался с момента начала разлива Нила, который в то время (IV–III тыс. до н. э.) совпадал с гелиактическим восходом Сириуса (звезда Сотис у древних египтян) и летним солнцестоянием: «Божественная Сотис вызывает Нил к началу года»; «Сотис великая блистает на небе, и Нил выходит из берегов своих» (Климишин, 1985. С. 149). Отсюда берет начало традиция приурочивать отсчет нового года к летнему солнцестоянию, которая в дальнейшем многократно возобновлялась в разное время и в разных культурах и в переотложенном виде, возможно, могла проявиться в эвенском празднике «Хэбденек».

Однако установление точной продолжительности солнечного года, согласование солнечного и лунного календарей, а также выбор даты начала нового года по годовичному движению солнца являются очень трудными задачами, для их решения нужны продолжительные астрономические наблюдения и математические расчеты. Астрономические календари – это сложный продукт развития цивилизации, они возникают у народов, находящихся на определенной ступени развития, которая, как правило, характеризуется следующими признаками: 1) осед-

лый образ жизни; 2) занятие земледелием; 3) достаточно развитая наука; 4) наличие письменности; 5) наличие значительной прослойки людей, свободных от добывания «хлеба насущного». Поэтому у народов, ведущих традиционное природопользование и кочевой образ жизни, в ходу были более простые, фенологические календари.

Фенологические календари основаны на наблюдениях за изменением окружающей природы (температурный режим, состояние земного покрова, флоры и фауны и др.). Эта форма календарного года, основанная на сезонных явлениях, а не на астрономических данных, называется годом естественным. Естественный год не имеет точного подсчета дней, счет времени здесь ведется по ярко выраженным природно-климатическим периодам, начало и продолжительность которых варьирует. Отсюда идет представление о теплом и холодном времени года, которое часто трансформируется в два отдельных года – теплый и холодный (Вртанесян, 2017. С. 4). Календари практически всех коренных малочисленных народов Севера отразили именно такое деление естественного года на два полугодия, каждое из которых воспринималось как самостоятельный год (летний и зимний), внутри которых могли выделяться более дробные хронологические единицы – сезоны (Сычина, 2013. С. 217–218). Соответственно, фенологический календарь предполагал два начала отсчета года, которые наступали весной и осенью, но строго установленных дат эти новогодние события не имели.

В пределах годовых хронологических единиц северные народы выделяли 4, 6 или более сезонов, представлявших собой временные отрезки неопределенной длины, без фиксированного начала и конца, которые соответствовали конкретным явлениям окружающей среды, видам или периодам хозяйственной деятельности. Названия фенологического календаря являлись описательными, также обозначая природный или хозяйственный признак (Колесникова, Кулемзин, 2018. С. 131, 135). Таким образом, фенологические календари традиционных народов тесно связаны с их хозяйственной жизнью, которая зависела от наступления того или иного сезона. И природные, и хозяйственные сезоны были подвижны и не имели четких временных границ. В соответствии с занятиями год могли делить на разное количество сезонов. В целом фенологические календари характеризуются следующими признаками: 1) делением года на два крупных оппозиционных сезона (теплый/холодный; летний/зимний); 2) двумя периодами начала нового (прежде всего хозяйственного) года; 3) произвольным числом сезонов в году; 4) про-

извольным числом дней в сезоне; 5) подвижностью начала сезонов.

При этом наблюдение за движением солнца, или – точнее – за состоянием светового дня, безусловно, было присуще всем коренным малочисленным народам Севера. Но лишь некоторые из них выделяли этот годовой цикл, наряду с тем, что у них присутствовали и другие, более значимые календари. Так, обские угры, а также некоторые сопредельные народы Западной Сибири делили год на два примерно равных сезона. Один из них («летняя дорога солнца») начинался после зимнего солнцестояния и продолжался до конца июля – начала августа, когда, после заметного сокращения светового дня, начиналась «зимняя дорога солнца» (Вртанесян, 2021. С. 44–45). Однако ни у тунгусо-маньчжуров, ни у северо-восточных палеоазиатов такой способ летоисчисления не отмечен: в календарном счете они ориентировались в большей степени на погодные, а не астрономические состояния.

ФЕНОЛОГИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ ЭВЕНОВ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ

Ярким примером фенологического календаря, «привязанного» к хозяйственным занятиям, является календарь якутов. Якутский календарь особенно важен для рассматриваемой проблемы в силу того, что эвены длительное время контактируют с якутами на обширных территориях и испытывают сильные культурные влияния с их стороны. Это влияние самым непосредственным образом отразилось на довольно внезапном появлении у эвенов Магаданской области идеи праздновать Новый год во время летнего солнцестояния.

Итак, якуты, занимавшиеся разведением лошадей и крупного рогатого скота, традиционно делили годовой цикл на два крупных сезона (года) – зимний и летний. Согласно данным исследователей, первый начинался с сентября–октября, когда животных переводили на стойловое содержание и «якуты... переселяются из своих летних жилищ в зимние» (Линденау, 1983. С. 35). Второй период начинался с мая, когда животных выпускали на пастбища (Этнографические..., 1978. С. 34). Этот весенне-летний праздник обновления природы, называемый Ысыах, являлся основным якутским праздником, сопровождался обрядами, обильным угощением, танцами и состязаниями. Таким образом, в местах традиционного проживания якутов одной из точек отсчета нового хозяйственного года был Ысыах, который они обычно праздновали в мае. Вместе с тем, согласно И. А. Худякову, у верхоянских якутов праздник Ысыах приходился на июнь, хотя прежде, «когда якуты жили в более южных местах, он совпадал с маем, то есть с якутским но-

вым годом» (1969. С. 253). Отсюда следует, что переселение якутов в более северные районы повлекло за собой смещение даты проведения данного ритуала в соответствии с новыми климатическими реалиями. Празднование было перенесено на июнь и таким образом оказалось ближе к летнему солнцестоянию, с которым в конечном счете часто и совмещалось. В Республике Саха (Якутия) Ысыах стал государственным праздником с 1992 г., а в 2016 г. днем его проведения уже официально утверждена дата летнего солнцестояния (21 июня).

В северных регионах Якутии (преимущественно в районе Верхоянья) издавна проживают эвены. Данная этнолокальная группа, соседствуя с численно преобладающими якутами, заимствовала у них ряд ярких этнических черт, что особенно выпукло проявилось в постсоветские годы. Известно, что традиционно весенние обряды оживления природы (начало нового хозяйственного года) верхоянские эвены отмечали во время выхода к местам летовок, на берега рыбных рек. Это празднование было растянуто во времени и продолжалось с начала мая до конца июля (Окладников и др., 1977. С. 67–68). В советские годы эта календарная традиция в значительной мере угасла, поэтому, когда в 1990-е гг. в России повсеместно шли бурные процессы активизации этнического сознания, ритуальные действия приходилось выстраивать заново, используя при этом не только собственные традиции, но и опыт сопредельных народов. В это время верхоянские эвены стали проводить праздник, очень напоминающий якутский Ысыах, в качестве летнего Нового года. Заимствовали они и дату проведения – дни летнего солнцестояния. Многие обряды встречи Нового года, проводимые верхоянскими эвенами, несомненно, несут в себе черты сильного якутского влияния. Заимствованный характер носит использование ритуальных комплексов со срубленными деревьями, повязывание на деревья веревок и лоскутов, использование изображения стерха как тотемной птицы. На тюрко-монгольские истоки этих обрядов указывает верхоянский этнограф А. А. Алексеев (1993. С. 39–41), который был одним из инициаторов воссоздания праздника.

Именно этот модернизированный Новый год у верхоянских эвенов заимствовали эвены Магаданской области. Лидеры данной этнолокальной группы в 1990-е гг. также находились в поиске таких средств выражения собственной этнической самобытности, которые бы опирались на традицию, но в то же время звучали современно и находили отклик у окружающего социума. Праздник встречи Нового года в разгар лета, несомненно, такой отклик получил, церемония показала свою востребованность и ста-

ла устойчивым культурным событием региона. Первый такой Новый год, называвшийся тогда «Хэбдек», прошел летом 1997 г., стержнем празднования стали обряды, описанные в монографии А. А. Алексеева (1993). Мои полевые материалы, собранные в это время, показали, что в предшествующее время лидеры магаданских эвенов неоднократно ездили в соседнюю Якутию и именно оттуда получили вдохновивший их импульс к этим действиям (Хаховская, 2000. С. 174). В последующие годы название праздника скорректировали, круг проводимых обрядов и ритуалов значительно расширили, так что он приобрел своего рода аккумулярующий характер (рис. 1, 2, 3). Нами отмечены две основные тенденции развития «Хэбденека»: во-первых, он вбирает в себя элементы, являющиеся наиболее яркими маркерами этнической культуры вне связи с собственно календарем; во-вторых, организационная составляющая меняется таким образом, чтобы наилучшим образом обеспечить демонстрацию культуры перед зрителями (Хаховская, 2015. С. 6).

Рассмотрим, какую связь имеет современный праздник «Хэбденек» с традиционным летоисчислением эвенов. Известно, что эвены являются кочевниками, практикующими малостадное выючно-верховое оленеводство, которые мигрировали на Крайний Северо-Восток в недавнее по историческим масштабам время. Общее переселение тунгусоязычных племен было вызвано этническими давлениями с юга, а их исход из мест первоначального проживания (предположительно Забайкалье и Приамурье) происходил в начале II тыс. н. э. (XII–XIII вв.). **Первое продвижение** тунгусов-оленьеводов (предков современных эвенов) на территории, прилегающие к Охотскому побережью, состоялось в XIV–XVI вв. под влиянием расселения на север многочисленных тюркских (якутских) племен. В середине XVII в. границей между тунгусами и коряками была река Тауй. В XVIII–XIX вв. **русский фронт** способствовал усилению распространению оленных тунгусов на северо-восток, на территории, прежде занятые юкагирами и коряками. Тунгусоязычные группировки распространили свои кочевья на всю северо-восточную территорию Охотского побережья, прилегающие континентальные районы, освоили восточное побережье Пенжинской губы и северную часть Камчатки, бассейн р. Анадырь.

Эвены Охотско-Колымского края (современная Магаданская область) зимой занимались преимущественно охотой, а летом – рыболовством. Основой их хозяйства также служило малостадное оленеводство. Традиционный эвенский календарь насчитывал 6 сезонов, при этом переход от теплого времени года к холодному и наоборот и был наиболее значимым. При миграции эве-

Рис. 1. Ритуал встречи сородичей. 21 июня 2015 г. Здесь и далее фото автора.

Fig. 1. Relatives meeting ritual. June 21, 2015. Here and below, photos taken by the author.

нов в районы, прилегающие к Охотскому побережью, особое значение стало приобретать рыболовство. Начало рыболовного сезона у целого ряда локальных групп охотских эвенов стало временем отсчета нового года. Так, Я. И. Линденау еще в начале XVIII в. зафиксировал, что охотские эвены начинали год в мае (месяц «билан»), когда «рыба поднимается из моря в реки» (1983. С. 54). В это время они прикочевывали на морское побережье, собирались большими группами сородичей и устраивали продолжительные праздники. У. Г. Попова, в свою очередь, пишет, что по природно-хозяйственному принципу эвены отсчитывали год с конца августа – начала сентября, когда заканчивался рыболовный сезон и предстояла перекочевка в глубинные районы (Попова, 1981. С. 59–60).

Таким образом, у эвенов, как и других тунгусо-маньчжурских народов, календарь состоял из двух полугодий, каждое из которых они воспринимали как самостоятельный год – зимний и летний. У этих народов существовала также лингвистическая оппозиционность двух основных сезонов, в частности, у эвенов она выражалась в терминах «дюгани»/«тугэни» (лето-зима) (Петрова, 1937. С. 105, 113, 115). В целом, фенологический календарь эвенов имел подвижный, адаптивный характер, его легко можно было приспособить к меняющимся климатическим условиям и варьировать в нем сроки проведения календарных праздников.

Рис. 2. Участник ритуала, посвященного эвенской свадьбе. 24 июня 2017 г.

Fig. 2. Participant in the ritual dedicated to the Even wedding. June 24, 2017.

Рис. 3. Подготовка к обряду зажигания огня. 19 июня 2021 г.

Fig. 3. Preparation for the fire ignition rite. June 19, 2021.

Рис. 4. Участники праздника в деревянных масках. 22 декабря 2018 г.

Fig. 4. Celebration participants in wooden masks. December 22, 2018.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ СИСТЕМЫ ЭВЕНОВ

Вместе с тем на счет времени эвенов большое влияние оказали иноэтнические заимствования, и прежде всего принятие православия. Многократно отмечено, что в мировоззрении эвенов традиционные представления тесно переплелись с православно-христианской обрядностью и вероучением. Под влиянием богослужебных практик эвены восприняли более точную систему летоисчисления по дням и месяцам: «Все обряды, принятые нашей церковью, тунгусы чтут свято и стараются выполнять их при первом удобном случае. Многие из них знают лучше любого русского, в каком месяце и каких числах бывают главные праздники, и они проводят их религиозным образом» (Богородский, 1853. С. 122).

В повседневный обиход эвенов также вошли инструменты для прослеживания течения времени – деревянные годовые и недельные календари. Местные жители получали такие календари от православных миссионеров и по их образцу изготавливали собственные. Календарь обычно подвешивали к каркасу юрты справа от входа, при кочевании укладывали в ровдужный чехол. По недельным календарям прослеживали наступления воскресенья, в годовых календарях отмечали постоянные православные праздники и дни святых, а также, возможно, дни рождений и смертей родственников (Слюнин, 1900. С. 379). Начало нового года теперь исчислялось по точной дате: с 1 сентября (до начала XVIII в.), с 1 января (после календарной реформы Петра I) (История..., 1997. С. 127–128).

Как показывают исследователи, в традиционном летоисчислении тунгусов существовало понятие месяца, но какого-либо точного числа дней в нем не было. В этот период укладывалось какое-либо наблюдаемое однородное природное явление или определенное хозяйственное занятие, названия сезонов носили соответствующий характер. После принятия православия эвенский месяцеслов оказался тесно связанным с церковными праздниками. Н. В. Слюнин так описывает данный календарь эвенов: «На доске сделаны в горизонтальном направлении дырочки; каждое число отмечается вставлением палочки, начиная слева направо календаря. Звездочки означают переходящие праздники. Месяца называются именами святых при следующем странном сочетании слов: сентябрь – Семенов-числа, октябрь – Покров-числа, ноябрь – Кузмин, декабрь – Николин, январь – Новый-числа, февраль – Средний, март – Евдокиев, апрель – Мариин, май – Николин, июнь – Ильин, август – Спасной-числа» (Слюнин, 1900. С. 379). Примечательно, что в этом описании виден переход к новому началу года – хотя календарь при-

вычно и начинается с сентября, январь в нем уже поименован как «Новый».

Выявленный Слюниным эвенский месяцеслов имеет тесную связь с общерусским народно-православным календарем, который характеризуется симбиозом языческих поверий с житийными историями христианских святых. Этот календарь, называемый народными святыми, служил основанием для соотнесения практического опыта крестьян-земледельцев с христианскими праздниками. Моментами фиксации в нем являлись непереходящие церковные события, которые каждый год наступали в одни и те же числа месяца. Они так и именовались – «праздники в числе» (Бердникова, 2019. С. 303), что объясняет «странность» эвенских заимствованных наименований.

Кроме того, календарная система эвенов осложнена наличием счета по суставам тела человека. Первым такой счет зафиксировал, по видимому, Я. И. Линденау, который сообщил о том, что, наряду с майским новым годом, охотские эвены отсчитывали год с января (обозначаемого как макушка головы) (1983. С. 70). Во второй половине XVIII в. этот способ счета у охотских эвенов выявлен экспедицией А. Ф. Миддендорфа, а позже подробно описан у анадырских эвенов В. Г. Богоразом (Хаховская, 2000). Год в этой системе делился на 12 месяцев, названия которых были производны от наименований частей человеческого тела. Порядок счета носил круговой восходяще-нисходящий характер.

Вопрос о происхождении суставного календаря эвенов дискуссионный. В истории летоисчислений существовали некоторые подобные системы счета – древнеегипетский счет по частям тела человека; счет времени таджиков бассейна реки Хингоу; славянское «вруцелето» и др. Т. И. Петрова считала, что счет по частям тела является пережитком древнейшей общетунгусской календарной системы, которая наиболее полно сохранилась у эвенов. Название месяцев (12 частей тела) она связывала с астрономическими явлениями, в частности, с положением созвездий (1937. С. 90). Напротив, согласно У. Г. Поповой, суставный календарь введен недавно и отражает русское влияние (1981. С. 62–64). А. В. Смоляк также считала, что этот календарь был своеобразным «изобретением русской администрации XVIII в.», преследовавшей цель собрать коренное население на ярмарку для торговли и сбора ясака. Она подчеркивала, что неслучайно анатомические месяцы приходились именно на зимний период, время ярмарок (Симченко и др., 1993. С. 220).

По нашему мнению, в данном случае имела место остроумная и удачная попытка церковных миссионеров обучить коренное население точ-

ному исчислению числа месяцев в году. Удачной она оказалась потому, что миссионеры воспользовались имевшимися в среде тунгусов астрономическими наблюдениями. Судя по тому, что наиболее устойчивым элементом суставного календаря у всех тунгусо-маньчжурских народов был месяц «плеча», происхождение его, скорее всего, связано с положением созвездия Большой Медведицы, которое было удобно проследить зимой и которое именно в зимние месяцы (в григорианском календаре это декабрь или январь) описывается как «Большая Медведица бывает на рассвете над головою плечом своим» (Петрова, 1937. С. 90–91).

Зафиксирована и народная этимология данного названия: время, когда зародыши оленей бывают величиной с плечо (т. е. лопатку) лося; время, когда на плечи взваливают полную одежду на зиму; снег на ветках, как на плечах. Однако эти народные варианты вторичны, а первоначальное значение связано именно с видом указанного созвездия. Эти зимние астрономические наблюдения производились не в целях исчисления времени, а по другим поводам (чаще всего для ориентации на местности). Миссионеры взяли за основу эти «плечевые» месяцы и наложили на них достаточно простой в использовании подсчет числа месяцев по голове и рукам, который предшествовал введению уже более подробных и сложных деревянных годовых календарей «святцев».

При этом как деревянные календари имели двоякое начало нового года (с 1 сентября и с 1 января), так и суставный счет велся либо с головы (хэйе – январь) (Линденау, 1983. С. 70), либо с переплетения пальцев рук (июнь–июль) (История..., 1997. С. 175). Противоречивы также сведения о направлении счета: по одним сведениям, восходящий счет идет по правой руке, нисходящий – по левой (Левин, 1936; Попова, 1981). Другие авторы описывают противоположный ход – восходящий по левой, а нисходящий по правой (Петрова, 1937; История..., 1997). Путаница связана с тем, что принципиального значения направление не имело, важно было лишь строгое соблюдение точек счета.

Таким образом, у эвенов существовала не одна, а несколько календарных систем, возникновение которых отражает этапы развития общества и иноэтнические влияния. На протяжении длительного времени происходило наложение и сосуществование стадийно неоднородных календарей (Хаховская, 2000. С. 179). Наиболее древним был годовой циклический календарь, делящий год на два, четыре, а впоследствии на шесть климатических сезонов. В нем зафиксирован ритм смены окружающей природы, осознаваемый через активизацию той или иной хозяйственной деятельности. Из краткого рассмотре-

ния выявленных способов проследить течение времени также следует вывод, что началом нового года у эвенов служили разные периоды и даты. Тот факт, что современный этнический эвенский праздник «Хэбденек» оказался приурочен ко дню летнего солнцестояния, является результатом выбора среди довольно большого числа существовавших вариантов, и этот выбор был сделан уже в наши дни под влиянием внешнего импульса.

КАЛЕНДАРНЫЕ СИСТЕМЫ КОРЯКОВ

В силу автохтонности происхождения, специфики сформировавшегося природопользования, а также сильной приверженности традиционному мировоззрению, в том числе религиозному, коряки в большей степени, нежели эвены, сохраняли естественный фенологический способ счета времени, связанный с хозяйственными занятиями. Однако проследить годового цикла у коряков осложнено дуализмом их хозяйственно-культурного устройства – наличием береговых и оленных группировок. Различие календарей двух хозяйственно-культурных групп коряков обусловлено тем, что целью их была не унификация времени для этноса в целом, а, напротив, его детализация для конкретных этнолокальных групп, проживающих в соответствующих ландшафтах.

Местом формирования береговых коряков были окрестности Тауйской губы Охотского побережья. Открытые здесь стоянки токаревской культуры (датируемые VIII в. до н. э. – V в. н. э.) обнаруживают преемственность с более поздней культурой, которую исследователи идентифицируют как древнекорякскую. В свою очередь, древние коряки положили начало современному (этнографическому) корякскому этносу. И токаревы, и древние коряки были морскими зверобоями, рыболовами и прибрежными собирателями. Происхождение оленных коряков на археологическом материале не прослеживается, поэтому можно лишь гипотетически предполагать их достаточно позднее отделение от оседлых групп и переспециализацию на сухопутную охоту и крупностадное оленеводство. В этнографическое время коряки сохраняли сложившееся ранее деление на две хозяйственно-культурные группы – кочевников-оленьеводов (*чавчувены*) и оседлых морских зверобоев (*нымыланы*). Дуализм хозяйственно-культурной организации коряков наложил отпечаток на их цикл праздников, которые были опорой годового хозяйственно-фенологического календаря.

Система летосчисления коряков характеризуется наибольшей приближенностью к традиции. Именно поэтому некоторые исследователи противопоставляют календари эвенов и коряков Охотско-Колымского региона: «...сближение с русскими и притом единство веры развили и са-

мые понятия тунгусов о различных предметах гораздо более, чем у коряков. Каждый тунгус знает, сколько в году месяцев, из скольких каждый месяц состоит дней, и наблюдает праздники»; «Корякам неизвестно даже разделение времени на годы и месяцы; они отличают только четыре естественные поры: лето, осень, зиму и весну» (Богородский, 1853. С. 112, 124).

В материалах более поздних исследователей календарь коряков предстает как более сложный, испытавший все же иноэтническое влияние. По данным Н. В. Слюнина, собранным в конце XIX в., оседлые коряки имели представление о таком хронологическом отрезке, как месяц, именуя его ыргын. Начало года они отсчитывали «с первого летнего месяца». Автор приводит наименование месяцев: «июнь – ара-ыргын, июль – чейпе-ыргын, август – амисхуй (начало холода); сентябрь – аттомпа, октябрь – чючян-япиль, ноябрь – хамэтва, декабрь – лаут (т. е. голова), январь – иви, февраль – тенлю, март – лыгы-хойон, апрель – ульвайон, май – ангое» (Слюнин, 1900. С. 391). Судя по всему, этимологически данный календарь опирался на описание погодных и видимых природных изменений, т. к. помимо обозначенного в этом ключе августа имеются и другие указатели из этого же ряда (чейпек – желтеть; лыгык – таять) (Молл, 1960. С. 65, 100).

Как видим, по этому календарю у коряков присутствует один суставный элемент. Известно также, что у оленных коряков Камчатки январь носил наименование *гынулэвит*, что означает «средняя голова» (Культура..., 2022. С. 128). Повидимому, у коряков также имели место напластования более поздних систем летоисчисления, притом что основная часть наименований месяцев имела фенологическое происхождение.

В наши дни коряки сохраняют память о четырех традиционных сезонах: 1) *нивлэвик* – (дословно ‘удлинение светового дня’), наступающий после зимнего солнцестояния, «...по-русски мы бы сказали “ранняя весна”, т. е. то время, когда начинает удлиняться день, примерно в марте... самое начало весны»; 2) *аноёгык* – «весеннее время, когда уже совсем снега нет. Снега уже нет, а листья ещё нет, вот это время называется аноёгык»; 3) *кайчейпын* – «ранняя осень, листва чуть-чуть начала желтеть»; 4) *майнычейпык* – «это осеннее время, когда уже полностью жёлтая листва» (Голованёва, Мальцева, 2015. С. 56).

При этом и в XIX в., и в советское время, как отмечают исследователи, календарные праздники опирались именно на циклический характер присваивающей экономики: «Все сезонные праздники береговых коряков являлись своеобразным обрамлением больших хозяйственных начинаний – открытие охоты на морских зверей, начало рыболовства и т. д.» (Гурвич, 1962.

С. 239). Одной из основных календарных церемоний у приморских коряков являлся весенний праздник спуска байдары на воду и открытия горизонтального входа-коридора в полуземлянке. Праздновали также поимку первой рыбы, добычу первого морского зверя. Осенью важными праздничными вехами служила укладка байдары на хранение и закрытие входа в жилище. Особым почитанием пользовался праздник нерпы, который наступал после завершения сезона морской охоты, в октябре или ноябре, при этом приурочивался к фазе растущей луны, «чтобы в будущем сезоне было много морского зверя» (Горбачева, 2004. С. 20). Содержание праздника состояло в проходах в потусторонний мир душ всех добытых за сезон морских животных.

Праздники береговых коряков сопровождались возжиганием нового огня, кормлением огнивной доски и семейных святынь, забиванием собак и развешиванием их на шестах. Во время осеннего праздника нерпы добавлялись особые обряды: изготовление и сжигание моделей нерп, кручение вертушек, хождение ряженных в деревянных масках* (рис. 4) (Гурвич, 1962; История..., 1993; Горбачева, 2004). Важным является упоминание о том, что в советское время, при забвении множества обрядовых действий, береговые коряки продолжают практиковать кручение вертушек как развлечение и приурочивают его к современному Новому году (Гурвич, 1962. С. 240–241). Это показывает переосмысление ритуальных действий и, что более важно, их сдвиг к общепринятым датам. Эта тенденция «дрейфа» ритуалов, отмеченная исследователем еще в середине XX в., несомненно, нашла свое выражение в современных праздниках «Хэбденек» и «Туйгивин», которые аккумулируют многие обряды, прежде разнесенные по всему календарному году.

Праздники кочевых коряков также отражали основные моменты хозяйственного цикла, тесно связанные друг с другом и составляющие непрерывную хронологическую цепь. При их проведении учитывали погодные условия и некоторые астрономические наблюдения. Поскольку календарные события отражали потребности оленеводческой экономики, кочевые коряки также придавали важное значение фазам луны. Нужно было приурочить праздник к фазе роста или полнолуния, это считалось благоприятным для размножения и сохранения стада.

Значимым календарным событием для оленеводов был весенний праздник рогов Килвай, который проводился «после отела, в честь рож-

* Все эти и нижеперечисленные обряды (кроме реального приношения в жертву животных, которое заменяется имитацией) в настоящее время представлены на празднике «Туйгивин».

дения оленят». При этом конкретные сроки его проведения варьировали в довольно широких пределах, что связано с особенностями проведения отела в разных климатических условиях. Поэтому оленеводы иногда именовали это праздник по природно-климатическому признаку «*анон*» (весна) (Горбачева, 2004. С. 50). На примере праздника рогов представители коряков отмечают временное и даже содержательное совпадение в наши дни традиционных и христианских календарных событий: «Русские, когда приходят на праздник Килвай, они всегда приходят со своими пирожками, пирогами, тортами. Мне кажется, одинаково: что Пасха, что Килвай. Иногда даже бывает, что Пасха прямо совпадает с Килваем, в один день празднуют. Эти праздники очень похожи. Иногда даже было, что с куличами пасхальными на Килвай приходили, когда совпадало» (Голованёва, Мальцева, 2015. С. 53).

В начале лета некоторыми торжествами отмечали уход пастухов со стадом на летовку, когда забивали небольшое количество оленей для людей, остававшихся на месте (Гурвич, 1962. С. 249). Однако, судя по всему, праздник был не столь значимым, как предшествующий ему Килвай или следующий за ним праздник возвращения с летовки.

Главным же событием календарного года оленных коряков являлся осенний праздник *Коянайтаык* (*Кояннайтагынын*), который проводился при возвращении пастухов вместе со стадом с летних пастбищ, что случалось в конце августа – начале сентября (История..., 1993. С. 126; Культура..., 2002. С. 132; Горбачева, 2004. С. 27–28). Важно, что эта церемония обязательно проводилась в период новолуния, потому что растущая луна, по представлениям коряков, благоприятствовала приросту поголовья оленей. Во время праздника ярангу переносили на новое место, ее украшали ветками тальника, возле очага укладывали зольные камни. При помощи огнивых досок возжигали чистый огонь. Забивали жертвенного оленя, ему оказывали дань уважения – поили, под голову подкладывали ветки тальника. Шкуру жертвенного оленя снимали вместе с головой, водружали ее на шест мордой к востоку. Затем уносили эту голову в жилище, укладывали мордой к огню, опять предлагали воду и другое угощение.

По данным исследователей и воспоминаниям представителей оленных коряков, праздник, наиболее приближенный к Новому году в его современном понимании, проводили во время полнолуния после зимнего солнцестояния, когда начинались «длинные дни», т. е. день становился ощутимо продолжительнее (период *нивлэвык*). Практическим содержанием события был массовый забой оленей для пропитания, это мясо замо-

раживалось и использовалось до весны. В начале праздника проводили ритуальный забой одиночного оленя, а также пары – важенки и самца. С тушами этих оленей совершали полноценные обрядовые действия, во время последующего массового забоя эти действия сводились к минимуму (Культура..., 2022. С. 129).

У различных локальных групп коряков-оленеводов данный праздник носил разные наименования: *Кинтак* у паланцев (Гурвич, 1962. С. 250); *Тийкенлектыкэн* у олюторцев (Горбачева, 2004. С. 48); *Пэгыттэ* (*Пегетын*) у пенженцев (Культура..., 2022. С. 128), или же *Нутакэ-таткаанрайтагынын* (дословный перевод ‘земля-замерзает-олений-домой-возвращение’) (Голованёва, Мальцева, 2015. С. 17). Срок его проведения также зависел от фазы луны: необходимо было приурочить обряд к полнолунию, что приводило к «плавающим» датам. Чаще всего, по-видимому, праздник выпадал на январь: «В январе тот [обряд] возвращения оленей домой проводят», что не исключало и гораздо более широкие временные рамки: «А погода прекрасная тогда была. Ясная! Луна взошла. И такая полная луна была! На улице светло как днём. И я смотрю: забой начался. При луне начался забой! Забили оленей, разложили кучками – у каждой палатки, каждой юрты. <...> Забивают оленей луне. Происходит это в определенное время между декабрем и мартом» (Голованёва, Мальцева, 2015. С. 17, 56).

Таким образом, коряцкие сезонные праздники, проводившиеся осенью и зимой, действительно выделяли такие астрономические явления, как смена фаз луны и сокращение/удлинение светового дня. При этом сроки проведения праздников могли свободно меняться как год от года, так и в разных местностях проживания коряков. Поэтому современное приурочивание праздника Нового года к зимнему солнцестоянию не противоречит традиционным представлениям и практикам (прежде всего оленных коряков), а достаточно органично вписывается в них. При этом такой сдвиг к конкретной астрономической дате является не только следствием «прорастания» традиционных циклических структур и проявления их переменчивого, текучего характера, но и давлением современных этнических процессов.

Действительно, первый эвенский праздник встречи Нового года состоялся в 1997 г. и с тех пор проводился ежегодно. Он снискал большую популярность и любовь горожан и гостей региона. Однако коряки, составляя значительную часть КМНС Магаданской области и обладая традициями хорошей сохранности, в плане календарных этнических праздников региона длительное время оставались непредставленными. Коряцкий праздник встречи Нового года, впервые введен-

Рис. 5. Обряд кормления огня. 21 декабря 2019 г.
Fig. 5. Fire feeding rite. December 21, 2019.

ный в 2017 г., был призван, во-первых, устранить эту асимметрию, во-вторых, вписаться в уже существующий контекст ориентации на астрономические явления, в-третьих, показать значимость корякских календарных традиций, которые в наше время в Магаданской области сохранились именно у оленеводческих групп (рис. 5, 6).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционный календарь эвенов и коряков был результатом длительной адаптации этносов, он отражал разделение времени на отрезки, характеризовавшиеся определенными природно-климатическими условиями и соответствующими им типами хозяйственной деятельности. Этот фенологический календарь формировался под воздействием окружающей природной среды (географические условия, ландшафт, климат, сезонные явления), которая обуславливала специфическую организацию хозяйственной деятельности этно-локальных сообществ. В новейшее время основной принцип, на котором строились календарные системы коренных малочисленных народов Севера, – адаптивность как приспособление к непосредственному влиянию окружающей среды – сохранялся, однако при этом изменялись действующие факторы вмещающего пространства. Это изменение заключалось в постепенном сдвиге от преимущественного давления природных сил к нарастанию влияния социума.

Рис. 6. Обряд зажигания огня. 17 декабря 2022 г.
Fig. 6. The rite of ignition of the fire. December 17, 2022.

В результате воздействия доминирующей социальной среды со стороны общества и государства произошло напластование и взаимопереплетение различных систем летоисчисления, что ярко проявилось в культуре эвенов, практиковавших счет времени по фенологическому, церковно-православному и суставному календарям. Коряки вплоть до недавнего времени оставались приверженцами традиционной культуры и мировоззрения, однако их летоисчисление осложнялось существованием двух хозяйственно-культурных групп – оленных и береговых. Каждая из этих групп опиралась на собственные точки отсчета событий годового хозяйственного цикла. В силу этих причин и у эвенов, и у коряков существовал достаточно широкий разброс вариантов даты нового (прежде всего хозяйственного) года. Современный выбор, представленный в праздниках встречи Нового года «Хэбденек» и «Туйгивин», с одной стороны, является преломлением традиционной хронологии в изменившихся реалиях, а с другой – продиктован целенаправленными действиями этнических лидеров и активистов, стремящихся восстановить культурную и историческую преемственность.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. А. Забытый мир предков: Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья. Якутск : Ситим, 1993. 95 с.
- Бердникова Т. А. О народном календаре русско-устыинцев как способе передачи традиционных знаний // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики : Сборник материалов международной научно-практической конференции. Т. 1. Якутск : Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2019. С. 300–305.
- Богородский А. А. Описание Гижигинского округа // Журнал Министерства внутренних дел. 1853. Т. 2. Ч. 2. С. 112–138.
- Вртанесян Г. С. Эктэнкирэ или спрятанное время в календарях сибирских народов // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2017, № 5 (2). С. 1–16.
- Вртанесян Г. С. Отражение Ильина дня в эпических и фольклорных текстах // Вестник Северо-Восточного федерального университета: Серия Эпосоведение. № 3. 2021. С. 43–57.
- Голованёва Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры : Лилия Аймык. Новосибирск : Гео, 2015. 172 с.
- Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. Санкт-Петербург : Наука, 2004. 152 с.
- Гурвич И. С. Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. Т. 4. Москва : АН СССР, 1962. С. 238–257.
- Зоркальцев В. И., Мокрый И. В. Календарь и его реформа // ЭКО. 2017. № 12 (522). С. 149–158.
- История и культура коряков: Историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург : Наука, 1993. 236 с.
- История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 180 с.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. Москва : Наука, 1985. 264 с.
- Климишин И. А. Календарь и хронология. Москва : Наука, 1985. 320 с.
- Колесникова С. Ю., Кулемзин В. М. Календари обществ с разными экономическими системами // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 131–136.
- Культура камчатских коряков-чавчуэнов второй половины XX века по воспоминаниям Н. И. Тынетэгина. Новосибирск : СО РАН, 2022. 252 с.
- Левин В. И. Краткий эвенско-русский словарь. Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1936. 224 с.
- Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан : Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Лунарные мифы // Мифы народов мира. Москва : Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 78–80.
- Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. Москва : Стратегия, 2006. 384 с.
- Молл Т. А. Корякско-русский словарь Москва : Учпедгиз, 1960. 237 с.
- Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков А. Е. Древний Зашиверск. Москва : Наука, 1977. 212 с.
- Петрова Т. И. Временисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Памяти В. Г. Богораз (1865–1936). Сб. статей. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937. С. 79–121.
- Попова У. Г. Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья (1917–1977 гг.). Москва : Наука, 1981. 304 с.
- Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П. Календари народов Сибири // Календари в культуре народов мира. Москва : Наука, 1993. С. 201–243.
- Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Санкт-Петербург : Изд-во Мин-ва финансов, 1900. 689 с.
- Сычина Н. А. Календарь в традиционной культуре коренных народов Западной Сибири (к методологии культурологического исследования) // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2 (23). С. 167–171.
- Сычина Н. А. Традиционный календарь как отражение хронотопа этнической культуры коренных народов Западной Сибири // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1 (26). С. 216–219.
- Хаховская Л. Н. Праздник «Хэбденек» и современная культура аборигенов Магаданской области // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 5–10.
- Хаховская Л. Н. Праздник «Хэбдек» и счет времени у эвенов // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока, Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. С. 170–182.
- Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Ленинград : Наука, 1969. 439 с.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. Магадан : Кн. изд-во, 1978. 176 с.

Поступила в редакцию 19.07.2023.

Поступила после доработки 18.08.2023.

TRADITIONAL CHRONOLOGY OF EVENS AND KORYAKS IN MAGADAN OBLAST (in Connection with the Modern Ethnic New Year Holidays)

L. N. Khakhovskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo, FEB RAS, Magadan

The calendar systems of two indigenous peoples living in Magadan Oblast (Evens and Koryaks) have been comparatively studied. The theory of ethnic community adaptation to the natural and socio-cultural environment served as a methodological basis for the research. Traditional Even and Koryak annual cycles determined by their origins, types of economic activities, and ecological factors, are discussed. Revealed as well are differences in chronological practices resulted from the degree of foreign ethnic influences and borrowings. The author shows that the Evens experienced a strong Russian cultural influence and most of them joined the Russian Orthodox church; therefore, the Even culture embraces some intermittent chronological systems, i. e. the phenological and the Russian Orthodox calendars as well as the human joints calendar. Until recently, Koryaks remained votaries of their traditional religion; however, their annual calendar is complicated by the dualism of their economic and cultural structure (reindeer and coastal groups). The author concludes that Evens and Koryaks had a wide range of options for counting the beginning of a new (primarily economic) year. The article shows the traditional chronology refraction in the modern ethnic New Year holidays (*Hebdenek* and *Tuygivin*).

Key words: Evens, Koryaks, traditional nature management, chronology system, annual economic cycle, calendar holidays, New Year, Magadan Oblast.

REFERENCES

- Alekseev, A. A.*, 1993. Forgotten World of Ancestors. Sketches in the Traditional Worldview of the Northwestern Verkhoyanye's Evens. Yakutsk, Sitim [In Russian].
- Berdnikova, T. A.*, 2019. About the Folk Calendar of the Russko-Ustyinty People as a Way of Transferring Traditional Knowledge, *Indigenous Peoples' Languages as a Factor in the Sustainable Development of the Arctic, Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Yakutsk, Institute of Humanitarian Researches and Problems of Indigenous Peoples of the North, SB RAS. 1, 300–305 [In Russian].
- Bogorodsky, A. A.*, 1853. Description of the Gizhiga District, *Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 2, 2, 112–138 [In Russian].
- Calendar Customs and Rituals of the Peoples of East Asia*. New Year, 1985. Moscow, Nauka [In Russian].
- Culture of Kamchatka's Koryaks-Chavchuvens in the Second Half of the 20th Century from N. I. Tynetegin's Reminiscences*, 2022. Novosibirsk, SB RAS [In Russian].
- Ethnographic Materials of the Northeastern Geographical Expedition*. 1785–1795, 1978. Magadan [In Russian].
- Even History and Culture : Historical and Ethnographic Essays*, 1997. St. Petersburg, Nauka [In Russian].
- Golovanyova, T. A., Maltseva, A. A.*, 2015. Voices of the Koryak Culture : Lilia Aimyk. Novosibirsk, Geo [In Russian].
- Gorbachova, V. V.*, 2004. Koryak Rites and Holidays. St. Petersburg, Nauka [In Russian].
- Gurvich, I. S.*, 1962. Koryak Trade Holidays. Siberian Ethnographic Collection. Moscow, AS USSR. 4, 238–257 [In Russian].
- Interethnic Communication and Socio-Cultural Adaptation of Russia's North Peoples*, 2006. Moscow, Strategiya [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N.*, 2000. Hebdek Holiday and Even Chronology, *Historical Research in the North of the Far East*. Magadan, NEISRI FEB RAS, 170–182 [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N.*, 2015. “Hebdenek” Holiday and the Modern Culture of Magadan Oblast Indigenous Peoples, *Humanities Research in the Russian Far East*. 4, 5–10 [In Russian].
- Khudyakov, I. A.*, 1969. Brief Description of the Verkhoyansk District. Leningrad, Nauka [In Russian].
- Klimishin, I. A.*, 1985. Calendar and Chronology. Moscow, Nauka [In Russian].
- Kolesnikova, S. Yu., Kulemzin, V. M.*, 2018. Calendars of Societies with Different Economic Systems, *Tomsk State University Journal. History*. 55, 131–136 [In Russian].
- Koryak History and Culture. Historical and Ethnographic Essays*, 1993. St. Petersburg, Nauka [In Russian].
- Levin, V. I.*, 1936. Concise Even-Russian Dictionary. Moscow ; Leningrad, Uchpedgiz [In Russian].
- Lindenau, Ya. I.*, 1983. Description of Siberia's Peoples (First Half of the 18th Century). Magadan [In Russian].
- Lunar Myths. Myths of the Peoples of the World*, 1988. Moscow, Soviet Encyclopedia, 78–80 [In Russian].

- Moll, T. A., 1960. Koryak-Russian Dictionary. Moscow, Uchpedgiz [In Russian].
- Okladnikov, A. P., Gogolev, Z. V., Ashchepkov, A. E., 1977. Ancient Zashiversk. Moscow, Nauka [In Russian].
- Petrova, T. I., 1937. Tungus-Manchurian Peoples' Chronologies, *In Memory of V. G. Bogoraz (1865–1936)*. Moscow, Leningrad, AS USSR, 79–121 [In Russian].
- Popova, U. G., 1981. Evens in Magadan Oblast, Essays on History, Economy, and Culture of the Okhotsk Coast Evens (1917–1977). Moscow, Nauka [In Russian].
- Simchenko, Yu. B., Smolyak, A. V., Sokolova, Z. P., 1993. Calendars of Siberia's Peoples, *Calendars in the Culture of the Peoples of the World*. Moscow, Nauka, 201–243 [In Russian].
- Slyunin, N. V., 1900. Okhotsk-Kamchatka Territory. St. Petersburg, Ministry of Finance [In Russian].
- Sychina, N. A., 2012. Calendar in the Traditional Culture of West Siberia's Indigenous Peoples (to the Cultural Research Methodology), *Society. Environment. Development*. 2 (23), 167–171 [In Russian].
- Sychina, N. A., 2013. Traditional Calendar as a Chronotope Reflection of the Ethnic Culture of West Siberia's Indigenous Peoples, *Society. Environment. Development*. 1 (26), 216–219 [In Russian].
- Vrtanesyan, G. S., 2017. Ektenkire or Hidden Time in the Calendars of the Siberian Peoples, *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 5 (2), 1–16 [In Russian].
- Vrtanesyan, G. S., 2021. The Depiction of St. Elijah's Days in Epic and Folklore Texts, *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series of Epic Studies*. 3, 43–57 [In Russian].
- Zorkaltsev, V. I., Mokry, I. V., 2017. Calendar and the Calendar Reform, *EKO*. 12 (522), 149–158 [In Russian].